

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ПЕСЕН С НОВОЙ ЭСТЕТИКОЙ

Тема «человек и вещь» является составной более широкой темы «человек и среда».

Актуальность изучения вещного мира фольклора в разных жанровых проявлениях столь же несомненна, как и анализ его тематической, сюжетно-образной, композиционной, стилиевой специфики. Существуют фундаментальные научные труды по традиционной фольклорной= лирике, где рассматривается соотношение фольклорных персонажей и того предметного мира, в условиях которого они функционируют. Так, к примеру, в классических работах по народной лирической песне С.Г. Лазутина, Н.П. Колпаковой прослеживается глубинная символическая связь сферы человеческих отношений и того окружающего мира, включая предметный, в котором герои произведения функционируют.

Обобщением наблюдений над эстетикой песен патриархальной деревни стало суждение Г.И. Мальцева о консерватизме патриархальной стереотипии, хранящем и передающем традицию, когда «обрядовый характер жизни, регламентация всех ее сфер, вплоть до самых интимных – «формулы быта», – связаны с тем, что общее, «типическое» (т.е. традиционное) доминирует над отдельным, а единичное, никогда прежде не случавшееся, не имеет никакой самостоятельной ценности...»

Это «освященное традицией статуарное безличие» разрушается и как бы исчезает в поздних по генезису фольклорных песнях, относящихся к категории песен с новой эстетикой. К их числу в первую очередь причисляются народный романс, новейшая баллада и песни литературного происхождения.

Эти песни по сей день остаются наименее изученной областью фольклорной лирики. В немногочисленных работах фольклористов, обращающихся к анализу данного материала, стало общим местом признание «фактографичности изображения» в новых песнях.

Упоминание множества конкретных бытовых предметов и вещей связано с общей эстетической установкой новых песен на художественную репрезентацию очень индивидуальной, личностной ситуации, в которой оказывается персонаж. Всем множественным перечислительным рядом как бы подчеркивается уникальность происходящего, хотя в целом поэтика этих песен позволяет говорить о них как о созданиях, хранящих и передающих традицию.

Заслуживает внимания и научного осмысления воспроизведенное В.Г. Смолицким в монографии «Русь избяная» суждение искусствоведа В.С. Воронова, отрицавшего мнение, что крестьянское жилище «набито красивыми вещами», и считавшего, что «изба – это не бонбоньерка». Если продолжить мысль о том, что вещи подражают людям, то

оказывается, что в новых песнях как раз воспроизводится своего рода «бонбоньерка».

Истоки песен с новой эстетикой лежат в XVIII веке, когда в русском обществе проявляются и активизируются новые социальные группы – купечество, мещанство, чиновничество, как называли тогда, – «третье сословие». По ряду культурно-бытовых проявлений к нему приближались и выходцы из крестьян, покинувших по разным причинам деревню и нанявшихся в городе на службу лакеями, кухарками, горничными, дворниками и т.д.

Именно в этой социальной среде создается своя особая субкультура, приметой которой становятся и так называемые городские песни, то есть песни с новой эстетикой. Со временем эти песни становятся достоянием и деревенской культуры. Новая песенная эстетика формировалась через сложную полифонию смыслов и традиций фольклорного и книжного творчества. Как известно, повышенную чувствительность, мелодраматизм, «фактографичность изображения» новых песен определяют традиции книжной поэзии, сентименталистской и романтической. Именно под влиянием этих двух эстетических течений в народном песнетворчестве появляются новые герои, новый хронотоп, новый предметный мир.

Можно выделить характерные функции мира вещей и предметов в новых песнях. Очевидна, в первую очередь, «колористическая» функция: «Бывало вечерней порою / сижу за роялью одна...»; «Вспомни комнату уютну, / где сидели мы вдвоем»; «Сидит мил на диване, / за круглым за столом» и т.д. Эта функция во многом переплетается и совпадает с функцией перечисления бытовых предметов с целью характеристики места действия. Несомненна в эстетике новых песен функция вешного мира как средства характеристики героя: «И чем она получше, / только ходит пободря. / Носит форменну одежду, / носит белые чулки / во затяжку с медной пряжкой»; «Ко мне постучался приближный сосед / во драповой тальме, красивый сам собой».

Разумеется, наблюдения над поэтикой предметного мира новых песен изложенным выше не ограничиваются. Анализ этой темы будет развит и уточнен в докладе и в дальнейшей научной публикации.